УДК 947

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: РУССКИЕ ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В КОРЕЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Иванова Л.В.

Kwangwoon University, Nowon-Gu, Seoul 139-701, e-mail: professor.Larisa.Ivanova@gmail.com;
Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск

Укрепление международного влияния России и формирование позитивного восприятия страны за рубежом является одним из приоритетов российской внешней политики. Зачастую обращение к историческому опыту помогает взглянуть на проблему по-новому, понять ее суть. В статье, основанной на документах российских архивов, рассматривается деятельность в 1896–1898 гг. русских военных инструкторов в Корее. Деятельность русских военных специалистов оценивается как очень успешная. В работе показана роль русских инструкторов в модернизации корейской армии того времени, в формировании положительного имиджа России и в распространении русской культуры среди корейских солдат и различных представителей корейского общества. Культурное сотрудничество играет важную роль в формировании позитивного имиджа страны. Исследование показывает, что у России имеется уникальный опыт в сфере гуманитарного сотрудничества со странами Корейского полуострова и в формировании стратегически важного для нее партнерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Изучение исторического опыта российско-корейского культурного сотрудничества, его научное непредвзятое освещение может стать полезным представителям правительственных структур и всем, кто интересуется странами Корейского полуострова.

Ключевые слова: российско-корейские отношения в конце XIX века, русские военные инструкторы в Корее, российско-корейское военное сотрудничество

HISTORICAL EXPERIENCE OF RUSSIAN – KOREAN CULTURAL COOPERATION: RUSSIAN MILITARY SPECIALISTS IN KOREA IN LATE XIX CENTURY

Ivanova L.V.

Kwangwoon University, Nowon-Gu, Seoul 139-701, e-mail: professor.Larisa.Ivanova@gmail.com;
Far Eastern State Transport University, Khabarovsk

Strengthening the international impact of Russia and building a positive perception abroad is one of current Russia's foreign policy priorities. Frequently an historical perspective offers some insights. The article, based on the documents from Russian historical archives, covers activity of the first Russian military instructors in Korea from 1896–1898. The Russian military specialists were deemed extremely successful. In the presentation, the author elaborates on the contribution of Russian military instructors to the modernization of the Korean Army, to the positive perception about the Russian people and to the introduction of Russian culture among Korean soldiers and various representatives of Korean society. Cultural cooperation plays an important role in implementation of this goal. The research in this article shows Russia has a unique experience in humanitarian cooperation on the Korean Peninsula and the history of the formation of important strategic partnerships of Russia in the Asia–Pacific region. Studying the historical experience of Russian-Korean cultural and offering a scholarly, impartial discussion has implications for current policy-makers and others interested in the Korean peninsula today.

Keywords: Russian-Korean relations in late XIX century, Russian military instructors in Korea, Russian-Korean military collaboration

Одним из приоритетов внешней политики Российской Федерации является укрепление международного авторитета страны, формирование объективного и благоприятного образа России путем развития международного культурного сотрудничества [9]. Согласно V статье Декларации принципов международного культурного сотрудничества ООН, принятой 4 ноября 1966 года, народы и страны должны делиться друг с другом знаниями и опытом [4]. Этот обмен может осуществляться путем привлечения специалистов для развития или усовершенствования различных сфер. Культурное сотрудничество России со странами Корейского полуострова, которые являются ее важными стратегическими партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеет исторические корни и уникальный опыт [5]. Изучение данного опыта, его успехов с целью их использования и промахов с целью их избегания может способствовать более эффективному российско-корейскому культурному сотрудничеству. Более того, объективное освещение истории российско-корейских отношений помогло бы составить более верное представление друг о друге у народов России и стран Корейского полуострова, что отвечает стратегическим задачам этих стран.

Подписание в 1876 г. на острове Канхва торгового договора между Японией и Кореей ознаменовало отказ последней от курса внешнеполитической изоляции и становление на путь превращения в независимое и процветающее государство. Одним из способов достижения этой цели корейские власти видели в сотрудниче-

стве с иностранными державами в политической, экономической и культурной областях. Высокопоставленные корейские чиновники неоднократно говорили о необходимости приглашения иностранных специалистов для реорганизации финансовой системы страны, системы образования и управления, а также для создания корейской армии, соответствовавшей современным требованиям того времени. В данном направлении предпринимались определенные шаги.

Стремление Кореи отвечало и интересам внешней политики России на Дальнем Востоке. Имея общие государственные границы, Российская империя хотела иметь своим соседом независимое и самостоятельное государство в качестве буферной зоны, противодействующей иностранной экспансии в Северо-Восточной Азии (в тот период – прежде всего японской). О важности культурного сотрудничества с Кореей как одного из способов для достижения последней самостоятельности и укрепления русского влияния на полуострове не раз отмечали видные представители России. Так, контр-адмирал Е.И. Алексеев писал управляющему Морским министерством вице-адмиралу П.П. Тыртову: «Таким путем, как войско и школа, – могут быть достигнуты существенные результаты в постепенном упрочении нашего положения в стране и противодействие успеху японского и американского влияния по воспитанию корейского народа» [10].

С целью создания надежной корейской армии корейское правительство обращалось к Китаю, Японии, Германии и Америке. Сотрудничество с военными специалистами вышеупомянутых стран не принесло желаемых результатов. Следует отметить, что корейское правительство и перед Россией неоднократно ставило вопрос о возможности военного сотрудничества, но по многим причинам Россия долго не решалась на столь ответственный политический шаг.

К началу 1896 года в силу ряда событий последних лет сложились определенные условия, и усилилась обоюдная заинтересованность именно в российско-корейском военном сотрудничестве. Пророссийские настроения получили широкое распространение среди значительной части корейского общества благодаря тем успешным политическим шагам, которые были предприняты российскими дипломатами во время так называемой «трехсторонней интервенции» 1895 г., когда Россия в союзе с Германией и Францией заставила Японию отказаться от претензий на Ляодунский полуостров.

Последующие события, а именно убийство королевы Мин Менсок 8 октября 1895 г., государственный переворот и бегство вана Коджона 11 февраля 1896 г. в здание российской дипломатической миссии создали совершенно необычную политическую обстановку и способствовали росту симпатий к России.

Охрана здания русской миссии, в которой нашел спасение корейский король со своим наследником, осуществлялось морскими десантниками. Путешествующий по Корее в 1895–1896 гг. полковник Карнеев, ставший очевидцем тех событий, писал о том, что король Коджон, глядя на наших матросов, «был в восхищении от молодцеватого вида людей и их выправки». Тогда же он выразил поверенному в делах в Сеуле А.Н. Шпейеру желание, чтобы «русские взялись за обучение и организацию корейской армии» [8]. 14 февраля ван Коджон попросил официальных представителей России в Корее К.И. Вебера и А.Н. Шпейера передать правительству своей страны просьбу поддержать его шаг по сближению с Россией и оказать помощь в создании надежного и хорошо обученного корпуса войск и назначении в Сеул доверенного главного советника правительства Кореи [1].

Добиваясь от России более активных действий в решении политических, экономических и военных реформ своей страны, ван Коджон воспользовался официальным приглашением Корее принять участие в коронации Николая II и направил в Россию специальную миссию во главе с Мин Ён Хваном. Миссия носила церемониальный и деловой характер. Наряду с поздравлением русского царя от имени Кореи основным предписанием Мин Ён Хвану являлось добиться приглашения 200 человек русских инструкторов для создания надежной корейской армии.

На решение этого вопроса, который принимался Россией так долго и мучительно, ушло почти три месяца. Вполне осознавая преимущества и необходимость военного сотрудничества, царское правительство не спешило с ответом корейскому королю, опасаясь вооруженного конфликта со страной Восходящего Солнца.

Тем не менее просьба корейского правительства была удовлетворена и 21 октября 1896 г. года на канонерской лодке «Гремящий» вместе с корейским посольством во главе с Мин Ён Хваном в Сеул прибыли полковник Генерального штаба Д.В. Путята, на которого возлагалась ответственность разработки плана будущей орга-

низации корейской армии, два офицера, военный врач и 10 унтер-офицеров с тем, чтобы приступить к формированию и обучению отряда в 800 человек для несения охранительной службы в столице Кореи.

На момент прибытия наших офицеров состояние корейской армии было катастрофичным. По свидетельству путешественника П.Д. Гирса «ухода за оружьем не существовало никакого и большинство из них были опасны для стреляющих при стрельбе. Строевая служба производилась весьма редко, офицеры не занимались совершенно, строй наводил уныние своим видом. Внутренний порядок совершенно отсутствовал, всякий жил, как хотел, в свободное время люди уходили домой, что было очень выгодно для кармана хозяйственных лиц. Дисциплина проявляется в очень слабой степени, при офицере, в строю и на часах курят, разговаривают и уходят, бросив ружья.

Волосы стригут лишь немногие… грязь порождает обилие насекомых в платье, волосах и на теле, мыться не любят» [2].

Первым делом на основе тщательного медицинского осмотра решено было отобрать 800 солдат и поставить все обучение «на русский образец». Необходимо отметить, что выбрать здоровых пригодных для службы солдат оказалось непростым делом. Тот же Гирс объяснял это тем, что комплектование армии не обходилось без взяток, так как содержание солдат было не из маленьких даже при воровстве начальства, а служба легкой. Результатом такого пополнения являлся огромный процент слабых, больных и старых. Реорганизация полка на русский манер осложнялась отсутствием переводчиков и препятствиями, чинимыми корейскими чиновниками–казнокрадами.

Занятия с отдельным батальоном, названным впоследствии «русским», начались 3 ноября 1896 г. Ответственным за обучение этого батальона назначили поручика Л. Афонасьева. На него также была возложена ответственность за подготовку 33 курсантов корейского «кадетского корпуса», основанного по просьбе вана Коджона еще в феврале 1896 г., обучением которого занимался начальник русского десанта в Сеуле по охране русской миссии, в которой находился ван, лейтенант крейсера «Адмирал Корнилов» Хмелев.

За короткий период русским инструкторам удалось наладить строгую дисциплину среди отобранных корейских солдат и соблюдение правил гигиены. Из-за неоднократных случаев различных заболеваний русские инструкторы настояли на поддержании тела и одежды в строгой чистоте. Русские инструкторы убеждали солдат носить короткую стрижку, но уважая корейскую культуру, русские инструкторы относились с пониманием и терпением к тем, кто продолжал сохранять длинные волосы в соответствии с корейской традицией. Впрочем, вскоре таких осталось немного.

Занятия по строевой подготовке, меткой стрельбе по мишеням, воинскому этикету стали проводиться регулярно. Примечательно, что все команды отдавались на русском языке. Русские инструкторы ввели в употребление сигнальный рожок и барабан, обучили корейских солдат русской строевой песне, которую солдаты лихо исполняли при ходьбе маршем. Газета «Independence» три месяца спустя писала об этом так: «Учения проводятся каждый день с 9 до 12 часов в первую половину дня и с 2 до 5 часов после полудня рядом с казармами 4 и 5 полков. Это и впрямь удивительно, что люди прекрасно понимают русские команды, несмотря на то, что обучались иностранными инструкторами всего лишь короткий период времени» [12].

Русские военные специалисты добились введения униформы и смены непригодного к употреблению оружия на качественные берданки, которые были закуплены в России. Ими были обеспечены все солдаты «русского» батальона и «кадетского» корпуса. Однако самым важным, пожалуй, стало введение в ротах «самостоятельного хозяйства по русскому образцу», то есть принятия всей материальной ответственности и отчетности по снабжению на батальон, благодаря чему впервые удалось решить проблему с продовольственным обеспечением и выплатой денежного довольствия. «Совершилось необыкновенное событие, слухи о котором распространились далеко за пределы батальона: нижние чины стали получать все по положению, появилось мясо, жалование выдается полностью…» – вспоминал П.Д. Гирс [3].

28 мая 1897 года в Сеуле в присутствии вана, высших корейских сановников, жителей города и иностранных представителей состоялся смотр, на котором были продемонстрированы результаты обучения, включая гимнастику, фехтование, ружейные приемы, ротное учение, строевую подготовку, стрельбу на месте и на ходу. Смотром командовали одни только корейские офицеры, обученные русскими инструкторами. Французские офицеры, присутствовавшие на стрельбах рот батальона, «пришли в восторг» от результатов.

«Подобного зрелища Сеул еще не видел, – писали русские инструкторы. – Король высказал восторженное одобрение» [7]. Путятой и корейскими министрами было принято решение о подготовке в течение 3 лет 6-тысячной кадровой армии с последующим развертыванием и доведением ее численности до 40 тыс. человек. Предусматривалась и модернизация кавалерийских, артиллерийских и инженерных частей, создание военных школ, строительство арсенала, мастерских.

В результате согласования плана реорганизации корейской армии штат русских инструкторов в Корее должен был возрасти до 24 офицеров и 131 унтер-офицера. Однако царское правительство России отказалось полностью взять на себя организацию корейской армии. Министерство иностранных дел России, также как и летом 1896 г., принципиально соглашаясь с необходимостью создания вооруженных сил Кореи под руководством России, откладывало осуществление его на неопределенное будущее, считая необходимым сначала укрепить позиции России в Корее в финансовой области и только после этого приниматься за решение военных вопросов. В ответ на просьбы корейского правительства прислать дополнительно 21 военного инструктора в августе 1897 г. в Корею были направлены 13 советников [6].

Добросовестно выполняя свои служебные обязанности, русские военные специалисты смогли добиться того, что прежде не удавалось никому. Начальник эскадры в Тихом океане контр-адмирал Е.И. Алексеев писал в донесении управляющему Морским министерством Тыртову П.П.: «Батальон корейских солдат, обученных нашими инструкторами, на ученье и стрельбе которых я присутствовал, производят весьма хорошее впечатление. Выправка, отчетливость ружейных приемов и построений, результат смотровой стрельбы доказывают, что инструкторы (а сверху карандашом подписано – солдаты) относятся к делу с любовью и серьезностью и заслуживают особой похвалы. Батальон по внешнему виду стал совершенно иной, чем он был прежде при инструкторах-японцах. По словам наших офицеров, корейские солдаты относятся теперь к своим обязанностям вполне сознательно и строго, хотя стойкость их в огне подлежит пока еще сомнению» [11].

Несмотря на успехи русских военных специалистов, из-за сильного противодействия прояпонски настроенных высших корейских чиновников, самой Японии, изменения международной обстановки на Дальнем Востоке во второй половине 90-х годов XIX века и перемещения центра российской политики на Дальнем Востоке из Кореи в Маньчжурию; возвращение в феврале 1897 г. в свой дворец вана Коджона и др., план реорганизации корейской армии, как и все другие договоренности, достигнутые в ходе визита в Россию первой корейской миссии во главе с Мин Ён Хваном, не были реализован до конца. Само российско-корейское военное сотрудничество было прервано в 1898 г.

Таким образом, несмотря на недолгий опыт русское инструкторство в Корее, обнаружив с первых дней свою состоятельность даже в тех скромных размерах, в которых оно было начато, принесло пользу, с одной стороны, содействуя умиротворению страны, с другой – высоко подняв русский престиж. Россия продемонстрировала наличие военных традиций и опытного офицерского состава, обладающего необходимыми, отвечающими европейским стандартам знаниями в военной сфере. Русские офицеры способствовали распространению русской культуры, традиций и обычаев, способствовали формированию представлений о русских как о народе патриотичном, преданном делу, волевом, добром и справедливом.

Список литературы

1. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. Японский стол. Депеши из Сеула. Д.4. Л.37 – 39.

2. А.Р.Г.О. (Архив Русского Географического Общества). Разряд 91. Оп. 1. № 5. Л. 84–85.

3. А.Р.Г.О. (Архив Русского Географического Общества). Разряд 91. Оп. 1. Л. 87.

4. Декларации принципов международного культурного сотрудничества ООН// http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture.shtml.

5. Иванова Л.В. Деятельность русской школы в Корее (1896-1904) // Вестник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 10(31). – С. 59–65.

6. Пак Б.Б. Политика России в отношении Кореи в период пребывания Коджона в Русской Миссии // Korea and Russia in Historical Perspective: Perceiving and Understanding Each Other: материалы междун. конф., Сеул, 16.09.2010. Режим доступа: http://www.eurasiahub.org/data/ftproot/2010국제역사/박벨라.pdf (дата обращения 14.12.2012).

7. Пак Б.Д. Россия и Корея. М.1979. – С. 136.

8. Поездка генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–1896 гг. // По Корее. Путешествия. 1895–1896 гг. – М., 1958. –С. 186–187.

9. Приложение № 1 к Концепции внешней политики Российской Федерации. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (2010 г.)

10. РГА ВМФ. (Российский государственный архив военно- морского флота). Ф. 417. Оп. 1. Д. 1341. Л. 522–523.

11. РГА ВМФ. (Российский государственный архив военно – морского флота). Ф. 417. Оп. 1. Д. 1341. Л. 522.

12. Neff R. Korea's First Russian Military Advisors// Oh my news, 14.12.2007. http://english.ohmynews.com/articleview/article_view.asp?menu = c10400&no = 381236&rel_no = 1.

References

1. AVPRI. (Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Imperii). F. Yaponskii stol. Depeshi iz Seula. D. 4. pp. 37–39.

2. A.R.G.O. (Archive of Russian Geographical Society). Razryad 91. Op.1. no. 5. pp. 84–85.

3. A.R.G.O. (Archive of Russian Geographical Society). Razryad 91. Op.1. no. 5. pp. 87.

4. Deklaratsii prinsipov mezhdunarodnogo kul'turnogo sotrudnichestva OON/ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture.shtml.

5. Ivanova L.V. Deyatel'nost Russkoi shkoli v Koree (1896–1904). [Vestnik Rosiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gertsena]. 2007. no. 10(31). pp. 59–65.

6. Pak B.B. Politika Rossii v otnoshenii Korei v period prebivaniya Kodjona v russkoi missii. Procid. Intern.conference «Korea and Russia in Historical Perspective: Perceiving and Understanding Each Other». Seoul. 16.09.2010. Available at: http://www.eurasiahub.org/data/ftproot/2010국제역사/박벨라.pdf (accessed 14 December 2012).

7. Pak B.D. Rossiya i Koreya. Moskva. 1979. pp. 136.

8. Poezdka general'nogo shtaba polkovnika Korneeva I porutchika Mikhaylova po Yuzhnoi Koree v 1895–1896 gg. [Po Koree. Puteshestviya. 1895–1896.] Moskva. 1958. pp. 186–187.

9. Prilozhenie № 1 Kontsepsii vneshnei politiki Rossiiskoi Federasii. Osnovnie napravleniya politiki Rossiiskoi Federasii v sfere mezhdunarodnogo kul'tirno-gumanitarnogo sotrudnichestva. 2010.

10. RGAVMF. (Rossiiskiy gosudarstvennyi archiv voenno-morskogo flota). F. 417. Op. 1. D.1341. pp. 522-523.

11. RGAVMF. (Rossiiskiy gosudarstvennyi archiv voenno-morskogo flota). F. 417. Op. 1. D. 1341. pp. 522.

12. Neff R. Korea's First Russian Military Advisors// Oh my news, 14.12.2007. http://english.ohmynews.com/articleview/article_view.asp?menu = c10400&no = 381236&rel_no = 1.

Рецензенты:

Бобышев С.В., д.и.н., профессор, зав. кафедрой «Теория и история государства и права», ДВГУПС, г. Хабаровск;

Ковальчук М.А., д.и.н., профессор, ДВГУПС, г. Хабаровск.

Работа поступила в редакцию 19.02.2013.